

Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

Онтологическое основание пространства отсутствия.

Хаялеева Аделя Камилевна

Студент

*Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, Философский факультет, Казань, Россия
E-mail: klounessa.am@mail.ru*

*«В этом мире отсутствует так много вещей,
что если бы не хватало еще чего-то,
то для этого уже нет места»*

Мачеонио Фернандес

Работа всемирно известного семиолога У. Эко [п4] и представленный в ней образ структуры отсутствия позволяют продемонстрировать технику и технологию освоения культурного (культурно-исторического и культурологического) пространства человеческого бытия. Данное движение призывает нас мыслить в терминах оппозиции, так как ее основной тезис состоит в том, что неполнота, потенциальное отсутствие, выражение потребности, несказанности есть пространство возможности для созидания, актуализации, означивания. Рикер указывает, что дуальность, двоичность – это свойство любой символической системы *«... (символ) с семантической точки зрения устроен так, что он сообщает смысл посредством смысла: первичный, буквальный, земной, зачастую физический символ в нем отсылает к фигуральному, духовному, зачастую экзистенциальному, онтологическому смыслу, который никак не может быть дан без этого косвенного обозначения»*[п3]

Подобная модель может быть продемонстрирована на различных системах. Например, каждый коммуникационный акт есть выражение обделенности, ущерба субъекта, который остро ощущает собственную неполноту. Рана в метафизическом теле – условие, которое помогает нам увидеть мощнейший потенциал в ситуации несказанности.

Леви-Стросс, исследуя множественные структуры, выходит на мысль о том, что все сложные идеи исходят из основополагающих и предельно простых (в смысле дальнейшей неразложимости): это идеи бога и его принципиальной противоположности – ничто. Единица и ноль являют собой элементарное основание всякой структуры. Вслед за Леви-Строссом Эко рассматривает мышление как систему двойного кодирования, где элементарными единицами сообщения предстают знание и незнание, мысль и ее отсутствие, иными словами, присутствие и отсутствие как таковое. Эко полагает, что мысль о том, что некое явление или просто материальный объект можно маркировать только тогда, когда рядом стоит иной объект (синонимичный ряд был бы невозможен, не обладай слово собственной контрарностью как пространством для определения), не нова. Таково, например, определение Августином добра как отсутствия зла. Другой момент, что проблема незнания, отсутствия или *умолчания*, рассмотренная в культурологическом срезе, находит глубокие основания в человеческой деятельности, в общественном производстве.

В данном контексте мы хотели бы обратиться к практике советских психологов. В частности, к школе Выготского и его работе, посвященной детской дефектологии

[n1]. Описывая процесс социализации детей, имеющих врожденные проблемы с функционированием органов, он приходит к сопоставлению этого движения с культурными формами. Например, здоровому ребенку для того, чтобы взять карандаш со стола, не нужно прибегать к иным формам воздействия, кроме физических. Иная ситуация, когда он лишен способности к передвижению: тогда на помощь приходит речевая деятельность. Ребенку ничего не остается, как осваивать окольные пути развития. Отсутствие непосредственного опыта создает потребность в опосредованной практике, которая впоследствии становится некой процедурой.

Другой пример, описывающий пустоту как пространство человеческой свободы и ответственности – это понимание логики движения Эпикурова атома в диссертационной работе К. Маркса[n2]. Как известно, Маркс ставил задачу выявить причины различий в понимании движения элементарных единиц сущего Демокритом и Эпикуром. И главным доказательством социальной укорененности формы, симптомом превращенной формы – явилось пустое пространство и возможность отклонения атома в описании Эпикура, которое символизирует свободу человека в условиях разрушающегося полиса. Накладывая данное описание как матрицу на пространство языка, получаем известное высказывание Хайдеггера о языке как «доме бытия». Возможности, которые дает язык, открывая свое пространство для субъекта – это возможности созидания и разрушения, демонстрации и сокрытия, борьбы (с метафизикой что-бытия в пользу здесь-бытия). Возникает, как это ни парадоксально, чувство некоторой надежности и ... ощущение «дома».

Итак, можно наметить путь от онтологии структурализма к пространству отсутствия как источнику и условию всякого сущего. На наш взгляд, подход к проблеме конструирования реального с точки зрения бинарной оппозиции гораздо глубже, чем одномерный заход структурализма. Структурализм рассматривает основы бытия в форме всякого присутствия и наличия, довлеющего присутствия, которое порождает иное присутствие. Кроме того, в сфере анализа языка структурализм наносит ущерб идее свободы человеческого молчания, невыражения. История философии знает разные формы ответственности: ответственного слова, ответственного письма. Существует, на наш взгляд, еще одна форма: ответственное молчание, которое и выказывает, например, Деррида не только собственной теорией, но и всей жизнью. Его знаменитая деконструкция в своей основе также имеет форму умалчивания, молчания о «самом главном», исконном! В ситуации тотальной мифологизации и идеологизации социального пространства именно «право на молчание» кажется действительным и действенным способом сохранить (и не развратить) «сакральное» и собственную субъектность как одну из главных человеческих ценностей.

Литература

1. Выготский Л. С. Дефектология и учение о развитии и воспитании ненормального ребенка. М., 1983.
2. Маркс К. Из ранних произведений. М., 1963.
3. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., 2003.
4. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб., 2006

Слова благодарности

Хотелось бы выразить глубокую благодарность Шатуновой Татьяне Михайловне за оказанную помощь в подготовке материалов конференции, а главное - поддержку!